

ВЕДЬМА ПОНЕВОЛЕ. ТАЙГА

Александр Шабынин Вероника Шабынина

**Александр Шабынин
Вероника Шабынина
Ведьма поневоле. Тайга**

<https://litres.ru/74027358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение книги "Бедуинка поневоле". Прошло полгода с момента событий в Египте. Маша немного пришла в себя, вернулась к нормальной жизни. Отец выжил, но у него очень серьезные проблемы с сердцем. До начала нового учебного года остался ровно месяц. И в этот момент Маша и ее мама узнают, что где-то в глухой тайге умирает Машина прабабка Аксинья, которую все считали давно погибшей, а заодно и ведьмой. Маша с мамой и бабушкой направляются в тайгу, не зная, что по сравнению с новым приключением, события в Египте покажутся им легкой прогулкой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	53
Г	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вероника Шабынина, Александр Шабынин Ведьма поневоле. Тайга

Глава 1

Август — это как вечер воскресенья. Вроде бы ещё выходящей, но ты уже чувствуешь этот неприятный холодок в животе: завтра понедельник. Завтра всё кончится.

На календаре в углу монитора светилось «2 августа». День ВДВ, кстати. Значит, у меня есть ещё двадцать девять дней. Двадцать девять дней, пока меня снова не запихнут в форму, которая наверняка стала мала, не выдадут стопку пахнущих типографской краской учебников и не заставят делать вид, что мне интересна биология или контурные карты.

Седьмой класс. Звучит как приговор.

Я кликнула мышкой, отправляя своего персонажа в очередную самоубийственную атаку на вражеский форт. На экране расцвели пиксельные взрывы. Мой герой, закованный в броню паладин, нелепо дрыгнул ногами и рассыпался на лут.

— Ну и ладно, — пробормотала я. — Не очень-то и хотелось.

Кулер системного блока гудел натужно, как старый вертолёт. В комнате было душно. Окна открыты настежь, но московский воздух в августе — это не воздух. Это горячий бульон из пыли, выхлопных газов и плавящегося асфальта. В пустыне было жарче, да. Но там воздух был сухой и честный. Он убивал быстро. А здесь он просто медленно варит тебя заживо.

Дверь скрипнула. В щель просунулась взлохмаченная голова Сашки.

— Маш, — прошептал он. — А папа спит?

— Спит, — так же тихо ответила я, не оборачиваясь. — Не шуми. У него голова болит.

Сашка кивнул и на цыпочках пробрался в комнату. В руках у него был трансформер с отломанной ногой — ветеран диванных войн. Брат забрался на диван за моей спиной и начал что-то бубнить себе под нос, сталкивая робота с воображаемым противником.

Я свернула игру. На рабочем столе висела старая обои — пальмы, море, голубое небо. Египет. Картинка из прошлой жизни. Надо бы сменить. Поставить что-нибудь мрачное, типа готического замка или руин постапокалипсиса. Чтобы соответствовало моменту.

Папа спал в соседней комнате. Я знала это, потому что сквозь тонкую стену панельки было слышно его дыхание — тяжелое, с присвистом. Иногда он начинал кашлять во сне, глухо и мучительно, и тогда я замирала, вцепившись в под-

локотники кресла, и ждала, пока кашель стихнет.

Семь месяцев.

Врачи говорили: «Динамика положительная». «Организм молодой, справится». «Нужна реабилитация».

Ага. Справится.

Папа похудел на десять килограммов. Его любимые джинсы висели на нем мешком, и он подтягивал их ремнем на две лишние дырки. Он больше не ходил в офис. Он вообще редко выходил из дома, только до поликлиники и обратно. Сидел за ноутбуком на кухне, писал какие-то тексты за копейки, верстал сайты, брался за любую халтуру. Потому что деньги кончались быстрее, чем здоровье.

Я видела, как мама считает мелочь перед походом в «Пятерочку». Видела, как она замазывает тональником синяки под глазами. Как она плачет в ванной, включив воду на полную, чтобы мы не слышали.

Они думали, я не понимаю. Что я всё ещё та же Маша, которой можно сказать: «Всё хорошо, доченька, просто временные трудности», и она поверит.

Но я видела. Наш семейный корабль получил пробоину ниже ватерлинии, капитан ранен, старпом в панике, а мы дрейфуем куда-то в сторону рифов.

— Бдыщ! — сказал Сашка сзади. — Ты убит, Мегатрон!

Я вздрогнула.

В голове, как короткое замыкание, вспыхнула картинка. Не пиксельная. Настоящая.

Пустыня. Раскаленный песок. И горячее дыхание, пахнувшее гнилым мясом.

Гиена была не похожа на тех, что показывают в мультиках про Короля Льва. Никаких глупых ужимок. Это была машина для убийства, сгусток мышц и ненависти. Я помнила, как блестели её глаза, как слюна капала прямо мне на шею. Глаза... Жёлтые, пустые. Глаза существа, которое не знает жалости, потому что в его мире жалость — это слабость. А слабость — это еда.

Я тогда не испугалась. Точнее, испугалась, но страх пришел потом. В тот момент было только странное, звенящее спокойствие. Время растянулось, как жевательная резинка. Я видела, как напрягаются мышцы на шее зверя, как с клыка капает слюна. Я знала, что умру. Вот сейчас. Через секунду.

Но я выжила. Камень в руке... Ой, да какой нафиг камень... если бы не Захар на вертолете, меня бы тут сейчас не сидело.

Я машинально потерла шрам на руке. Тонкая белая полоска. Память о том, что жизнь — хрупкая штука. Одно неверное движение — и всё, «Game Over». И никаких сохранений. Никаких «загрузить чекпоинт».

— Маш, ты чего зависла? — Сашка дернул меня за рукав футболки.

Я моргнула. Экран монитора снова стал просто экраном.
— Ничего, — я развернула кресло. — Думаю, как бы твоего Мегатрона починить. Может, синей изолентой?

Сашка просиял. Для него синяя изолента была универсальным средством от всех проблем. Жаль, что папу нельзя починить изолентой. И мамины нервы. И наш банковский счет.

В прихожей тренькнул звонок. Резко, требовательно.

Мы с Сашкой переглянулись. Гостей мы не ждали. Все, кто мог прийти, знали, что папа отдыхает, и старались не беспокоить.

— Я открою, — шепнула я, вставая.

В глазке виднелось что-то цветастое и объемное. Бабушка.

Я щелкнула замком.

— Привет, бабуль, — сказала я, пропуская её в квартиру.

Бабушка Вера (мамина мама) была как стихийное бедствие, только локального масштаба. Она ворвалась в прихожую, пахнувшая улицей, пирожками и какими-то лекарствами. В руках у неё были два пакета, набитых так, что ручки врезались в пальцы.

— Привет, Машенька, — она чмокнула меня в щеку. Губы у неё были сухие и теплые. — Родители дома?

— Папа спит, — предупредила я, кивая на закрытую дверь спальни. — Мама на кухне, готовит.

— Спит... — Бабушка поджала губы, и её лицо на секунду стало жестким, совсем не привычным «бабушкиным». — Ну пусть спит. Ему надо.

Она не любила папу. Точнее, терпела. Считала, что он

«непутевый» и «витает в облаках». Даже несмотря на то, что он сделал ради меня тогда, в Египте и Судане, любить она его больше не стала.

— Ба! — Сашка вылетел в коридор, забыв про конспирацию.

— Тише ты, индеец! — шикнула бабушка, но тут же расплылась в улыбке. Сунула ему в руки пакет. — На вот, пирогов напекла. С капустой и с яблоками. Несите на кухню, живоглоты.

Мы пошли на кухню. Мама стояла у плиты, помешивая суп. Увидев бабушку, она вздрогнула и уронила ложку. Звон металла о кафель прозвучал как выстрел.

— Мама? — голос у мамы дрогнул. — Ты чего без звонка? Случилось что?

Бабушка Вера поставила второй пакет на стол. Тяжело опустилась на табуретку, обмахнулась носовым платком. Вид у неё был... странный. Обычно она начинала с инспекции холодильника или критики маминой прически. А тут сидела, смотрела в окно, и пальцы у неё мелко дрожали.

— Маш, Саш, — сказала мама неожиданно твердым голосом. — Идите в комнату. Нам с бабушкой поговорить надо.

— Я есть хочу, — заныл Сашка, учуяв запах пирогов.

— Возьми пирожок и марш в детскую! — рявкнула бабушка. Так, что даже я подпрыгнула.

Мы схватили по пирогу (я с яблоком, Сашка с капустой) и ретировались. Но дверь в комнату я, конечно, плотно за-

крывать не стала. Оставила маленькую щёлочку.

На кухне звякнула посуда. Потекла вода из крана.

— Ну, говори, — глухо сказала мама. — Не томи.

— Письмо пришло, — голос бабушки был тихим, шелестящим. Совсем не похожим на её обычный командный тон.

— Оттуда.

— Откуда «оттуда»? — не поняла мама.

— С Енисея. Из деревни.

Повисла пауза. Такая густая, что её можно было резать ножом, как тот пирог.

— Она жива? — выдохнула мама. В этом вопросе было столько неверия и ужаса, что у меня мурашки побежали по спине. — Mam, ты же говорила... ты говорила, она умерла лет тридцать назад!

— Я так думала, — отрезала бабушка. — Мы все так думали. Или хотели думать. А она, видишь... живучая. Как...

Бабушка не договорила. Словно побоялась произнести слово вслух.

— И что? — спросила мама.

— Помирает она, Аня. Совсем плохая. Телеграмму соседка прислала, с почты районной. Пишет: «Аксинья отходит. Зовёт кровь родную. Приезжайте, если хотите успеть».

— Я не поеду, — быстро, почти истерично сказала мама. — Ни за что. У меня Денис, у меня дети, у меня работа... И вообще! Я её не знаю! Я её не помню! Сама езжай!

— Поедешь, — тяжело уронила бабушка. — И Машу

возьмешь.

— Что?! Зачем Машу?!

— Потому что она так велела. «Внучку и правнучку». Иначе, говорит, не уйду. А если ведьма уйти не может... сама знаешь, что бывает.

Я замерла у щели, забыв прожевать кусок пирога с яблоком.

Ведьма?

Они что, серьезно?

— Мама, ты в своем уме? — зашипела мама Аня. — XXI век на дворе! Какие ведьмы? Какая Аксинья? Это все твои суеверия дремучие! Ты пятьдесят лет назад из своей дурацкой деревни свалила. Забудь! У Маши школа через месяц, у Дениса обследование! Денег нет даже на билеты!

— Деньги я дам, — сказала бабушка. Судя по звуку, она хлопнула ладонью по столу. — Гробовые свои отдам. А поехать надо, Анька. Надо. Не ради неё. Ради нас. Если она проклянет перед смертью... мы тут все загнемся. И Денис твой первый.

Я прижалась ухом к косяку. Пазл в голове складывался криво, со скрипом, но картинка выходила жуткая.

Умиряющая прабабка в тайге. Ведьма. И мы должны ехать к ней, чтобы... чтобы что? Чтобы она нас не прокляла?

В комнате заворочался проснувшийся папа.

— Аня? — позвал он хриплым спросонья голосом. — Кто там пришел?

На кухне мгновенно стихли.

— Это мама зашла! — крикнула мама Аня фальшиво-бодрым голосом. — Сейчас чай будем пить!

Я отпрянула от двери и плюхнулась обратно за компьютер. Сашка уже доедал пирог, перемазавшись в масле.

— Вкусный, — сообщил он. — А чего они там ругаются?

— Рецепт обсуждают, — соврала я. — Секретный ингредиент ищут.

На экране монитора мой паладин всё ещё лежал мертвым посреди виртуального поля.

Похоже, мой квест только начинается. И на этот раз графика будет слишком реалистичной.

За стеной бубнили.

Знаете этот звук, когда соседи включили телевизор на среднюю громкость, и ты слышишь интонации, но не разбираешь слов? Вот так они и ругались. Только это был не сериал про ментов, а реалити-шоу «Семья Кузнецовых в кризисе».

Бабушкин голос — низкий, рокочущий, как работающий на холостых оборотах дизель. Она наступала. Давила авторитетом, возрастом, страхом.

Мамин голос — высокий, срывающийся на писк. Она оборонялась. Но как-то вяло, без маны, чисто на остатках здоровья.

Я сидела в наушниках, но музыку не включила. Это старый трюк: взрослые думают, что ты глухая тетеря в своем

виртуальном мире, и теряют бдительность. Сашка, правда, ничего не замечал. Он увлеченно строил из «Лего» тюрьму для трансформера, приговаривая что-то на своем тарабарском. Счастливый человек. У него мир простой: есть плохие, есть хорошие, и хорошие всегда побеждают, если вовремя найти нужную детальку.

У меня с детальками было сложнее.

— ...ты не понимаешь! — долетел мамин вскрик, пробившись даже сквозь стену. — Это безумие! Тайга! Глушь!

— ...кровь не водица... — прогудел бабушкин ответ. — ...грех на душу... Денис твой...

Опять папу приплели. Это был запрещенный прием. Удар ниже пояса. Бабушка знала, что ради папы мама пойдет хоть на эшафот, хоть к черту на рога, хоть в тайгу к безумной родственнице.

Потом всё стихло. Резко так, будто кто-то выдернул шнур из розетки.

Дверь кухни скрипнула. Послышались шаги.

— Маша! — позвала мама.

Голос был ровный. Слишком ровный. Так говорят стюардессы, когда самолет падает в штопор, а они предлагают вам томатный сок и карамельку. «Сохраняйте спокойствие, мы просто немножко умираем».

Я сняла наушники, повесила их на шею.

— Я сейчас, — бросила я Сашке. — Следи, чтобы Мегатрон не сбежал.

На кухне пахло валерьянкой и остывшим чаем. Бабушка Вера сидела на своем месте, прямая, как палка, скрестив руки на груди. Вид у неё был победный, но какой-то мрачный. Как у генерала, который выиграл битву, но потерял половину армии.

Мама стояла у окна, спиной ко мне. Плечи опущены. Потом она повернулась. Натянула улыбку — ту самую, номер пять, «для детей и слабонервных».

— Машенька, садись, — она кивнула на табурет.

Я села. Положила руки на колени. Жду кат-сцену.

— Понимаешь, тут такое дело... — начала мама, тщательно подбирая слова. — У бабушки Веры, оказывается, есть мама. Твоя прабабушка. Представляешь? Мы думали, её уже нет, а она живет далеко-далеко, в лесу, на природе...

Она говорила со мной, как с пятилетней. «В лесу». «На природе». Ага, сейчас ещё про белочек расскажет и про то, как полезно дышать свежим воздухом.

— ...и она сейчас очень сильно заболела, — продолжала мама, заглядывая мне в глаза с надеждой, что я не буду задавать лишних вопросов. — Старенькая она очень. И ей хочется нас увидеть. Попрощаться. Это такой долг вежливости, понимаешь? Мы подумали... может быть, мы съездим? Ненадолго. Это как приключение. Посмотрим тайгу, реку Енисей...

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри закипает глухое раздражение. Не злость, нет. Усталость.

Почему взрослые всегда считают детей идиотами? Это какой-то встроенный баг в прошивке? После восемнадцати лет отключается модуль «память о детстве», и ты начинаешь нести чушь про «приключения» и «белочек», когда на самом деле речь идет о смерти, страхе и обязательствах?

Мама сделала паузу, ожидая реакции. Наверное, думала, я сейчас спрошу: «А там интернет есть?» или «А комары кусаются?».

— Мам, стоп, — сказала я.

Мама осеклась.

— Я не мелкая, — сказала я тихо, но твердо. — И мне не пять лет, как Сашке. Хватит со мной сюсюкать.

— Маша, я просто...

— Тебе напомнить январь? — перебила я.

Мама вздрогнула. В её глазах мелькнул испуг. Она не любила вспоминать январь. Никто не любил. Но я помнила.

— Я пила воду из лужи, мам, — сказала я, глядя ей прямо в переносицу. — Я видела, как людей убивают. Я знаю, как пахнет гангрена и как кричат, когда больно. Ты правда думаешь, что после всего этого мне нужно рассказывать сказки про «прогулку на природе»?

В кухне стало очень тихо. Даже холодильник, кажется, перестал гудеть, прислушиваясь. Бабушка Вера хмыкнула, но промолчала. В её взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Мне тринадцать, — продолжила я. — Но по факту —

мне уже лет тридцать, наверное. Так что давай нормально. Без «белочек».

Мама опустилась на стул напротив меня. Сдулась. Маска «заботливой наседки» сползла, и под ней обнаружилась просто усталая, испуганная женщина, которая не знает, что делать.

— Хорошо, — сказала она глухо. — Хорошо, Маша. Прабабушка Аксинья умирает. Она живет в глухой деревне, до которой три дня на оленях, образно говоря. И она требует, чтобы приехали мы с тобой. Иначе...

Мама запнулась.

— Иначе проклянет? — подсказала я.

Мама дернулась, как от пощечины.

— Ты подслушивала?

— Я слышала, — поправила я. — У нас стены картонные.

И да, я слышала про ведьму.

Я перевела взгляд на бабушку Веру. Та сидела не шелохнувшись, как каменное изваяние.

— Это правда? — спросила я. — Она реально ведьма? Или просто бабка с характером, которая всех гоняет клюшкой?

Бабушка Вера медленно кивнула.

— Люди разное говорят, Мария, — сказала она своим «дизельным» голосом. — Аксинья... она тяжелый человек. Сильный. В деревне её боятся. И уважают. Она лечила. И калечила, бывало, если кто со злом приходил. Кровь у неё...

густая.

«Кровь густая». Звучит как диагноз. Гематокрит повышенный, что ли? Или это на их языке означает «маны много»?

Мне стало интересно.

По-настоящему интересно. Впервые за эти тухлые полгода, заполненные школой, врачами и мамиными истериками.

Ведьма. Всамделишная ведьма в тайге. Это вам не «Гарри Поттер» и не «Битва экстрасенсов», где ряженые клоуны машут руками. Это реал.

— Я поеду, — сказала я.

Мама схватила за голову.

— Маша! Ты не понимаешь! Это не игра! Там нет условий! Там туалет на улице! Там... там страшно может быть!

— Mam, страшно — это когда в тебя стреляют, — отрезала я. — А туалет на улице — это просто неудобство в интерфейсе. Переживу.

Я встала. Подошла к окну. Дворник внизу уже ушел, оставив аккуратные кучи свежескошенной травы.

— Мне интересно, — сказала я, глядя на траву. — Что это за Аксинья такая. Может, она мне расскажет то, чего вы не знаете. Про нашу семью. Про «густую кровь». А то живу как NPC, ничего не знаю про лор собственного клана.

— Как кто? — не поняла бабушка.

— Неважно. Проехали. Короче, я в деле. Когда выезжаем? Бабушка Вера хлопнула ладонью по колену.

— Вот это разговор! — гаркнула она. — Наша порода! Сразу видно — в Аксинью пошла, не в... — она покосилась на маму и осеклась. — Собирайтесь. Билеты я сейчас закажу. Пенсию отложила, хватит.

Мама сидела, закрыв лицо руками. Она выглядела маленькой и беззащитной. Мне стало её жалко. Честно. Она ведь просто боится. За меня, за папу, за себя. Она хочет, чтобы всё было «нормально». Обычная жизнь, обычные проблемы.

Но «нормально» у нас кончилось в январе. Теперь у нас DLC «Тайга и Ведьмы». Принудительная установка.

Я подошла к маме и положила руку ей на плечо.

— Мам, не дрейфь, — сказала я. — Прорвемся. Мы ж Кузнецовы. Нас танком не переедешь, а уж бабкой тем более.

Мама подняла на меня заплаканные глаза. Попыталась улыбнуться, но вышло криво.

— Ты такая взрослая стала, Маш, — прошептала она. — Страшно.

— Ага, — кивнула я. — Мне тоже иногда страшно, что я взрослая. Пойду рюкзак собирать. И Сашке надо сказать, что мы уезжаем. А то он обидится, что его в рейд не взяли.

Я вышла из кухни. Спиной чувствовала два взгляда. Один — растерянный и любящий. Второй — тяжелый, оценивающий, жесткий.

Кажется, бабушка Вера впервые посмотрела на меня не как на внучку, которую надо накормить пирожками, а как на

самостоятельную боевую единицу.

Ну что ж. Вызов принят.

Посмотрим, что ты за фрукт, прабабка Аксинья. И чему ты можешь научить девчонку, которая уже прошла крещение пустыней.

Бабушка ушла через полчаса. Ушла, как тяжелый танк, отстрелявший боекомплект и выполнивший задачу: посеяла хаос, раздала указания и оставила нас разгребать завалы. В прихожей еще долго висел запах её тяжелых дюшманских духов вперемешку с корвалолом. Ну и да, главное... она ехала с нами. Это даже не обсуждалось. Бабушка Вера заявила, что одну маму («с её-то топографическим кретинизмом») в тайгу не отпустит, а меня — тем более. Так что экспедиция намечалась внушительная: три поколения женщин семьи Кузнецовых против дикой природы.

Когда дверь за ней захлопнулась, мы с мамой переглянулись. Теперь предстояло самое сложное: босс-файт. Разговор с папой.

— Как мы ему скажем? — спросила мама. Она смотрела в свою чашку с остывшим чаем, как будто гадала на чайниках. — Он же... он же не поверит. Он же материалист до мозга костей. Программист. У него мир из нулей и единиц состоит, там нет места для проклятий и умирающих ведьм.

— Скажем как есть, — пожалала плечами я. — Врать хуже. Папа ложь чует, как антивирус трояна.

— А Сашка? — мама подняла на меня глаза. В них плес-

калась паника. — Денис с ним не справится. Ты же видишь, он сам еле ноги таскает. Ему покой нужен, режим, таблетки по часам... А Сашка — это же энерджайзер ходячий. И кнопка «выкл» сломана.

Я почесала нос. Тут мама была права. Оставить пятилетнего гиперактивного пацана на отца, у которого сердце работает с перебоями, — это всё равно что оставить гранату обезьяне. Весело, но финал предсказуем.

— Няню бы... — мечтательно протянула мама. — Хоть на полдня. Чтобы гуляла с ним, кормила.

Мы обе замолчали. Слово «няня» уперлось в слово «деньги». Бюджет семьи Кузнецовых сейчас напоминал полоску здоровья босса, которого лупят со всех сторон: она стремительно краснела и сокращалась. Няня — это дорого. Хорошая няня — очень дорого. А плохую мы к Сашке не подпустим.

— Ладно, — мама резко встала. — Пошли. Чему быть, того не миновать.

Мы пошли в спальню. Папа уже не спал. Он сидел на кровати, спустив ноги на пол, и пытался найти тапочки. Вид у него был помятый, лицо серое, как старая наволочка. Под глазами залегли тени.

— Кто приходил? — спросил он, щурясь. Очки лежали на тумбочке. — Тёща любимая? Чего шумели?

Мама села рядом с ним на кровать. Взяла его за руку. Рука у папы была тонкая, с выступающими венами. Раньше у

него были сильные руки, он меня одной левой подкидывал. А теперь...

— Денис, нам надо поговорить, — начала мама. Голос у неё дрожал. — Тут такое дело... Нам с Машей нужно уехать. Ненадолго. Дней на десять, может, на две недели.

Папа нахмурился. Нашел очки, водрузил на нос. Мир сразу обрел для него четкость, и эта четкость ему явно не понравилась.

— Куда? На моря? Ань, ты же знаешь, у нас сейчас с днягами...

— Не на море, — быстро сказала мама. — В Сибирь. К моей бабушке. Она умирает.

Папа моргнул.

— К какой бабушке? У тебя же вроде все... того?

И мама рассказала. Про письмо, про Енисей, про последнюю волю. Про то, что Аксинья хочет видеть всех нас, но поедет только мы, женщины.

Я стояла в дверях, прислонившись к косяку, и следила за папиным лицом. Оно менялось. Сначала было удивление. Потом недоумение. А потом начала проступать злость. Та самая, бессильная злость умного человека, которому втирают какую-то дичь.

— Ведьма? — переспросил он тихо. — Ты серьезно, Ань? Мы живем в двадцать первом веке. Илон Маск, крипто, нейронки, а ты мне говоришь, что надо тащить ребенка в тайгу, потому что какая-то бабка-шаманка решила устроить про-

щальное шоу?

— Она не шаманка, — прошептала мама. — Она...

— Да плевать мне, кто она! — папа повысил голос. Лицо его пошло красными пятнами. — Вы что, кукухой поехали? Обе сразу? Две идиотки! Суеверные... деревенщины!

— Денис! — ахнула мама. — Я в Москве родилась!

— А мозги у тебя, как из средневековья! — папа попытался встать, но зашатался. Он схватился рукой за грудь, там, где сердце. Лицо исказила гримаса боли.

— Папа! — я дернулась к нему.

Мама вцепилась ему в плечи, усаживая обратно.

— Тихо, тихо, Дениска, не надо... Дыши! Где таблетки? Маша, вон они, тащи быстро!

Я метнулась к тумбочке, схватила пузырек. Руки тряслись. Не от страха перед папиным гневом, а от того, как он побледнел. Словно жизнь из него выкачивали насосом.

Папа сунул таблетку под язык. Откинулся на подушки, тяжело дыша. Глаза закрыты, на лбу выступил пот.

В комнате повисла тяжелая тишина. Никто не решался заговорить первым.

— Денис, мы не можем не поехать, — наконец виновато зашептала мама, глядя его по руке. — Понимаешь, если она проклянет...

— Замолчи, — поморщился папа. — Не хочу слушать этот бред сумасшедшего. Езжайте, раз вам так приспичило. Только вернитесь живыми. Хватит с нас приключений. Хоть

не в Египет, и на том спасибо...

— А ты? — спросила я. — Ты как с Сашкой? Ты же... тебе же лежать надо.

Папа открыл один глаз. Посмотрел на меня. Взгляд был мутный, но ирония в нем еще теплилась.

— Справлюсь. Не инвалид пока. Светку попрошу. Она баба шумная, дурная, но безотказная. Приедет, жратвы наготовит, за мелким присмотрит.

Светка — это папина двоюродная сестра. Тетя Света. Женщина-громкоговоритель весом в сто килограммов, которая считает, что все болезни от «шлаков в организме» и лечит их сыроедением. Но Сашку она любила. И, главное, бесплатно.

— Спасибо, — выдохнула мама. Она готова была расплакаться.

— Идите, — махнул рукой папа. — Дайте полежать. Голова трещит, как будто я серверную стойку пробил лбом.

Мы вышли на кухню. Снова закипел чайник. Мама достала блокнот и начала рисовать план эвакуации.

— Значит так, — мама говорила сама с собой. Она снова включила режим «организатор», хотя руки у неё всё еще дрожали. — Вылетаем послезавтра. Завтра — сборы, покупка всего необходимого.

— Чего именно? — уточнила я. — Осиновых кольев и серебряных пуль? И чеснок не забудь.

— Spreя от комаров, Маша. И теплой одежды. Там тайга,

там ночи холодные даже в августе.

Она начала рисовать маршрут. Получалось что-то из разряда «Фродо идет в Мордор».

— Самолет до Красноярска — четыре часа. Потом малая авиация до Енисейска. Там летает какой-то старый Ан-24. А потом... — она замаялась, глядя в записи бабушки Веры. — А потом «на перекладных». Паромом на другой берег. Автобус до Брянки, а там найти какого-то дядю Мишу с моторкой.

— Моторка, — хмыкнула я. — Отлично. Пять баллов! А адрес у этой Аксиньи есть?

— Нет адреса. Деревня Старая Елань. Я гуглила — на карте её нет. Просто лес. Сплошной зеленый океан.

Я подошла к окну. Москва за окном сияла огнями. Пробки, магазины, курьеры с желтыми рюкзаками, спешащие с заказами. Цивилизация. Комфорт. Вай-фай на каждом углу.

А нас ждало белое пятно на карте. Локация, не прописанная в википедии. Я пыталась вспомнить, что там вообще? Тайга? Сибирь? Край географии?

— Знаешь, мам, — сказала я, глядя на свое отражение в темном стекле. Оттуда на меня смотрела всклокоченная, бледная девчонка с какими-то испуганными глазами. — А вообще... Это и к лучшему.

— Что к лучшему? — не поняла мама.

— Что мы едем. Нам это нужно.

— Нужно? — мама горько усмехнулась. — Тащиться на край света, тратить последние деньги?

— Да, — твердо сказала я. — Нам нужен... патч. Апдейт. Посмотри на нас. Папа болеет. Денег нет. Ты вся на нервах. Мы застряли, мам. Нам нужна сила, чтобы всё это исправить.

Мама замолчала. Посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом.

— Ты думаешь, эта... прабабка, которую я раз в жизни видела, нам поможет?

— Я думаю, хуже уже не будет, — ответила я. — А если она правда ведьма... то я из неё эту силу вытрясу. Даже если придется лететь на метле. Ради папы. Ради нас всех.

Мама ничего не ответила. Просто вздохнула и обняла меня.

До старта миссии оставалось сорок восемь часов. Я закрыла глаза и представила тайгу. Не ту, из учебника географии, а настоящую. Древнюю. Кажется, каникулы переставали быть скучными.

Глава 2

У стариков в прошивке есть какой-то баг с таймерами сна. Серьезно. Им почему-то кажется, что если они встанут в шесть утра, то Вселенная от этого станет лучше. Или, может, они боятся пропустить конец света?

Бабушка Вера приперлась в восемь. Для нормального человека в каникулы это — глубокая ночь. Я дрыхла без задних ног, мне снилось что-то приятное и бессмысленное, вроде бесконечного запаса холодной колы. И тут — дзынь! Звонок в дверь прозвучал как старый советский будильник, про которые рассказывал папа. Ну, из тех, что и мертвого разбудят.

Я натянула одеяло на голову, все еще надеясь, что это глюки (наивная). Или еще сон. Но потом в коридоре послышался тихий мамин голос, шуршание пакетов и тот самый «дизельный» рокот бабушки, который напоминал мне звук тех древних пикапов в Египте.

Пришлось вставать. Когда я выползла на кухню, зевая так, что реально боялась рот порвать, бабушка уже восседала за столом, как купец первой гильдии. Перед ней лежала пухлая пачка денег. Пятитысячные, тысячные. Рыжие и синие бумажки, от которых пахло чем-то старым. Видимо самой бабушкой.

— Вот, — сказала она, придвигая пачку к маме. — Тут на всё хватит. И на дорогу, и на еду, и... на всякий случай.

Мама смотрела на деньги с ужасом. Для неё это были не просто цветные бумажки. Это был контракт. Подпишешь — и всё, обратной дороги нет.

Папа на кухню не вышел. Но когда бабушка проходила мимо его двери в туалет, я заметила, как они переглянулись. Дверь была приоткрыта. Папа лежал, отвернувшись к стене. Но услышав шаги, всё же повернул голову.

Взгляд у него был... тяжелый. Недобрый. Наверное, так солдат в окопе смотрит на вшивую гимнастерку. С отвращением, но понимая, что деваться некуда. Он прекрасно понимал, кто именно подбил нас на этот безумный квест, кто главный квестодатель этой суицидальной миссии. Бабушка этот взгляд поймала, сбилась с шага, но промолчала. Только спину выпрямила ещё сильнее.

— Билеты я взяла, — сообщила она, вернувшись на кухню. — Электронные. Распечатала на всякий случай (не ожидала от нее, продвинутая, когда надо... ей надо), мало ли что у вас там в телефонах ваших загрузит.

Ну, конечно. Она всё продумала. Купила билеты заранее, чтобы отрезать нам пути к отступлению. Чтобы совесть загрызла нас насмерть еще до того, как мы решим передумать.

— Собирайтесь, — скомандовала она. — Я тут побуду, суп сварю, за Денисом пригляжу. Да и за Сашкой. А вы дуйте в магазин. Список составили?

Список у мамы был. Длиной с рулон туалетной бумаги.

Сборы — это отдельный вид пытки. Особенно когда со-

бирается мама. Ей вечно кажется, что мы едем не в тайгу, а колонизировать Марс, и всё, что мы не возьмем с собой, нам придется синтезировать из молекул воздуха.

— Мам, зачем? — простонала я, вытаскивая из её чемодана утюг. — Ну вот объясни мне логику. Зачем тебе «Телефаль» в лесу? Ты там что гладить собралась? Мох? Или ты думаешь, там розетки на каждой сосне растут? USB-порт в березе?

— Ну мало ли... — мама растерянно прижала утюг к груди. — Вдруг там в деревне есть электричество? Вещи помнутся в чемодане... Мы же к людям едем. Нельзя выглядеть как оборванцы.

— Мам, мы едем к умирающей ведьме, — напомнила я. — Ей глубоко фиолетово, мятая у тебя футболка или нет. Ей главное, чтобы мы доехали живыми.

Утюг мы оставили. Но бой за фен мама выиграла. Сказала, что без фена она никуда не поедет, даже если ей придется крутить педали динамо-машины.

В торговый центр мы поехали на такси. Москва жила своей обычной жизнью. Люди бежали по эскалаторам, пили смузи, покупали шмотки. Кондиционеры гудели, создавая иллюзию вечной весны.

Мама сразу потащила меня в аптеку, а потом в отдел бытовой химии.

— Спрей от комаров, — бормотала она, сгребая с полки баллончики. — «Дэта», «Москитол»... Какой лучше? Давай

возьмем все. И фумигатор. И спиральки, которые поджигать надо.

— Мам, если там настоящая тайга, эти пшикалки для местных комаров — как приправа к блюду, — хмыкнула я. — Только аппетит разыграется.

Мама не слушала. Она нагребла полную корзину: влажные салфетки, сухой шампунь, кремы для рук, пластыри. Она строила вокруг себя стену из привычных вещей, пытаясь отгородиться ими от неизвестности.

— Теперь одежда, — сказала она решительно. — Тебе нужны теплые лосины. И свитер. Красивый, с оленями.

— Нет, — я уперлась ногами в кафельный пол. — Нет, мам. Хватит.

— Что «хватит»?

— Хватит покупать всякую фигню. Пошли за нормальным лутом.

Я взяла её за руку и потащила на второй этаж. Туда, где висела вывеска «Экспедиция» и какой-то магазин для охотников и рыболовов с суровым названием типа «Тайга-Мастер».

Мама упиралась.

— Маша, зачем нам туда? Там же для мужиков! Там удочки и ружья!

— Там вещи, которые спасают жизнь, мам. Поверь мне. Я знаю.

Мы зашли внутрь. Тут пахло резиной, смазкой и дорогой

кожей. Продавец, бородатый мужик в камуфляжной жилетке, посмотрел на нас с легким удивлением. Две городские фифы: мама в легком платье и я в джинсах и футболке с принтом «Game Over».

— Нам нужен нож, — сказала я, подходя к витрине.

— Нож? — переспросила мама слабым голосом. — Зачем тебе нож, Маша? Хлеб резать?

— И хлеб тоже.

Я рассматривала витрину. Взгляд скользил по блестящим лезвиям. Нет, эти складные игрушки — ерунда. Сломаются на первой же ветке. Мне нужно что-то серьезное. Фиксед. С толстым обухом.

— Вот этот, — я ткнула пальцем в стекло. «Кизляр», простая надежная рукоять, черное лезвие. — И огниво.

— Огниво? — мама округлила глаза. — Это как в сказке Андерсена? У нас же зажигалки есть!

— Зажигалка промокнет. Газ кончится. Кремень вылетит. А огниво работает всегда. Даже если ты искупался в болоте.

Я повернулась к продавцу.

— Можно посмотреть?

Мужик хмыкнул, достал нож. Я взяла его в руку. Тяжелый. Приятная тяжесть. Рукоять легла в ладонь как влитая. Это не кухонный ножик, которым мама режет колбасу. Это инструмент. Оружие. Друг.

В пустыне у меня был только обломок камня. Если бы у меня был такой нож... может, всё было бы проще.

— Берем, — сказала я. — И еще вон тот фильтр для воды. Мембранный.

— Маша! — взмолилась мама. — Это же стоит кучу денег! И зачем нам фильтр? Мы будем пить кипяченую! Или бутилированную купим!

— Мам, — я посмотрела ей в глаза. Серьезно. Без тени улыбки. — В тайге нет «Пятерочки» с бутилированной водой. А кипятить не всегда есть время. Ты хочешь, чтобы мы подцепили дизентерию или лямблий из речки? Помнишь, как я в инфекционке лежала после Египта? Хочешь повторить?

Упоминание инфекционки подействовало. Мама побледнела и сдалась.

— Ладно. Бери. Но это ужас какой-то... Нож... Огниво... Мы что, на войну едем?

— Мы едем в зону повышенной сложности, — буркнула я, отдавая нож продавцу на кассу. — Лучше иметь и не нуждаться, чем нуждаться и не иметь.

Мы вышли из магазина с пакетом, в котором лежали: нож (я спрятала его поглубже, чтобы мама не нервничала), огниво, хороший фонарь на лоб, моток паракорда и тот самый фильтр. Плюс пара комплектов термобелья, которое реально греет, а не просто «красивое с начесом», но при этом абсолютно бесполезное.

Мама шла рядом, прижимая к себе пакет с шампунями и влажными салфетками. Она выглядела потерянной. Ей каза-

лось, что мы сошли с ума (вернее не мы, а конкретно я).

А мне казалось, что я наконец-то надела правильную бро-
ню.

Впереди был Красноярск. Енисей. И неизвестность.

Но теперь у меня был нож. И это странным образом успо-
каивало. Как будто я сохранилась перед входом в темную пе-
щеру.

Вставать в четыре утра — это преступление против чело-
вечества. Организм в это время находится в режиме гиберна-
ции, и попытка его запустить напоминает старт двигателя в мороз минус тридцать: всё скрипит, сопротивляется и
глохнет.

Мы выползли в прихожую, как зомби. Свет лампочки ре-
зал глаза. Чемоданы стояли у порога, как немые стражи, го-
товые конвоировать нас на этап.

Сашку будить не стали. Он спал, раскинувшись звездой
на кровати, и пускал пузыри. Папа сказал, что сам ему всё
объяснит, когда тот проснется. Совет что-нибудь про сроч-
ную командировку или секретную миссию. Сашка поверит.
В пять лет верить легко.

Прощание вышло... тягучим.

Папа стоял в дверях, опираясь плечом о косяк. В растянну-
той домашней футболке, бледный, с трехдневной щетиной.
Он старался улыбаться, но улыбка выходила жалкой.

— Ну, девочки... — сказал он и замолчал. Горло пере-

хватило.

Мама тут же повисла у него на шее. Начала всхлипывать, шептать какие-то глупости про таблетки, про еду в холодильнике, про то, чтобы он не забывал мерить давление. Папа гладил её по спине, смотрел поверх её макушки на меня, и в глазах у него была тоска.

Мы стояли так минуту, две, пять.

Бабушка Вера уже обулась. Она стояла у лифта, демонстративно глядя на часы. Часы у неё были массивные, командирские, на широком ремне — не женский аксессуар, а тактический прибор.

— Аня, — сказала она наконец. Голос прозвучал как выстрел стартового пистолета. — Регистрация не резиновая. Опоздаем — пешком пойдешь.

Мама оторвалась от папы. Лицо мокрое, тушь потекла.

— Пока, пап, — я подошла, обняла его. Он был теплый и пах лекарствами и сном.

— Будь умницей, Маш, — шепнул он мне в ухо. — И приглядывай за ними. Ты у меня теперь... за старшего.

— Я знаю, пап.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок. Этот звук — *щелк* — отозвался у меня где-то в желудке. Всё. Мы отрезаны. Уровень загружается.

В аэропорту было... никак. Скучно. И это было прекрасно.

После того, что случилось в прошлый раз (когда поездка в

Египет превратилась в адский квест на выживание), я ценила скуку. Я любила очереди на досмотр. Я обожала бубнящий голос диктора: «Пассажир Иванов, пройдите к выходу номер семь». Это была музыка нормальной жизни.

На этот раз телефон у меня никто не отбирал. Мама даже не заикнулась. Она, кажется, усвоила урок: лишать связи человека в XXI веке — это не воспитание, а саботаж.

Пока мы ждали посадку, я сидела на жестком кресле и скроллила экран. Но не ТикТок и не Инсту.

Я собирала данные.

«Красноярский край. Климат». «Тайга. Опасности». «Как развести костер из сырых дров». «Что делать при встрече с медведем».

Информации было много, и она не радовала. Клещи, гнус, болота, медведи-шатуны (хотя летом они вроде не шатуны, а просто медведи, но легче от этого не становилось). Я читала форумы выживальщиков, сохраняла карты в оффлайн-режим, качала справочники съедобных растений.

— Маша, не порть глаза, — вяло сказала мама, жуя какой-то резиновый круассан из буфета.

— Я качаю мануалы, мам, — буркнула я. — Чтобы мы не сдохли, если заблудимся.

Бабушка Вера одобрительно хмыкнула, не отрываясь от сканворда.

Полет до Красноярска прошел в режиме «телепортация». Я просто вырубилась сразу после взлета и открыла глаза, ко-

гда шасси коснулись бетонки. Четыре часа выпали из жизни.

А вот в Красноярске началось самое интересное. Нам предстояла пересадка на местный рейс до Енисейска. Я ожидала увидеть «Боинг» поменьше или какой-нибудь «Суперджет».

Ага. Разбежалась. На летном поле нас ждал... пепелац.

Это был Ан-24. Я погуглила название, пока мы ехали к нему в автобусе. Винтовой самолет, разработанный еще при царе Горохе... то есть в пятидесятых годах прошлого века. Он выглядел как экспонат из музея дизельпанка. Два пропеллера, крылья сверху, фюзеляж какой-то пузатый и трогательно-беззащитный.

— Мы на этом полетим? — спросила мама. Глаза у неё стали по пять рублей. — Он же... он же старый!

— Надежный, как автомат Калашникова, — отрезала бабушка Вера, бодро шагая к трапу. — Не дрейфь, Анька. Такие еще сто лет летать будут. Там ломаться нечему, одна механика.

Внутри пахло керосином и старой обшивкой. Кресла были узкие, иллюминаторы — круглые и мутные, как бутылочное стекло.

Когда двигатели завелись, самолет затрясся так, будто у него случился эпилептический припадок. Шум стоял такой, что разговаривать было невозможно. Можно было только орать.

— Пристегнитесь! — прокричала стюардесса — женщина

необъятных размеров, которая в проходе помещалась с трудом.

Мы взлетели.

Я прижалась лбом к стеклу. Вибрация передавалась прямо в череп, зубы мелко стучали друг о друга.

Внизу проплывал город, мосты, дороги... А потом всё это кончилось. Резко, как будто обрезали текстуры.

И началась Тайга. Я видела пустыню. Она была желтой, бесконечной и мертвой. Она пугала своей пустотой.

Тайга была другой. Это было зеленое море. Бескрайнее, густое, темное. Миллиарды деревьев, сливающиеся в одну сплошную массу. Сверху казалось, что это мох на камне, но я знала — там, внизу, каждое «перышко» мха — это огромная ель или сосна высотой с пятиэтажный дом.

И посреди этого зеленого океана текла Река. Енисей. Он был не голубой, как на картах. Он был стальной. Темный, мощный, холодный. Он извивался, как гигантская змея, прорезая тайгу, и в его водах отражались тяжелые сибирские облака.

Красиво. Но жутковато. В пустыне ты хотя бы видишь опасность издалека. Здесь, в этой зеленой губке, может спрятаться что угодно. Армия орков, стая волков или избушка на курьих ножках. И ты не увидишь их, пока не наступишь.

— Смотри, Маша, — прокричала мама мне в ухо, стараясь перекрыть рев моторов. — Красота-то какая!

Я кивнула. Красота. Дикая, равнодушная красота, кото-

рой плевать на трех маленьких людей в дрожащей жестяной банке с крыльями. Мы летели в сердце этой зелени. В никуда.

И я чувствовала, как внутри меня тоже начинает дрожать какая-то струна. То ли от страха, то ли от предвкушения.

Енисейск встретил нас... своеобразно. Я ожидала чего угодно: снега в августе, ледяного ветра, медведей в ушанках на взлетной полосе. Но не этого. Термометр на здании аэровокзала (маленьком, синем, деревянном, похожем на сельский клуб) показывал плюс тридцать два.

— Ничего себе «север», — пробормотала я, отлепляя мокрую футболку от спины. — Тут жарче, чем в Хургаде.

Я покосилась на маму. Она стояла красная, взмыленная, сжимая в руке тот самый пакет, где лежали свитер с оленями и шерстяные лосины. В её глазах читался когнитивный диссонанс. Она явно чувствовала себя персонажем, который оделся в зимний сет брони перед входом на огненную локацию.

— Ничего, — сказала я философски. — Это Сибирь, мам. Тут погода как настроение у истерички. Сегодня плюс тридцать, завтра минус десять. Глядишь, твои лосины нас еще спасут.

Город оказался... странным. Словно кто-то нажал кнопку «Пауза» году так в 1985-м, да так и забыл отжать.

Мы ехали на такси по улицам, названия которых можно было угадывать с закрытыми глазами. Улица Ленина. Улица Кирова. Рабоче-Крестьянская. Если свернуть, наверняка бу-

дет Коммунистическая или Пролетарская. Фантазия у местных градостроителей работала строго в рамках партийной методички.

Дома были под стать названиям. Низкие, деревянные, почерневшие от времени и дождей. Они вращались в землю по самые окна, косясь на мир мутными стеклами. Зато наличники резные. Красиво, но тоскливо. Как на кладбище кораблей.

— Может, в гостиницу? — робко подала голос мама, когда мы протряслись по очередной колдобине. — Хоть душ принять, переодеться...

Бабушка Вера, сидевшая на переднем сиденье (как командир танка в люке), даже не обернулась.

— На том свете отдохнешь, Аня, — отрезала она. — У нас график. Паром ждать не будет. А автобус тем более.

Таксист, мужик лет пятидесяти с лицом, выдубленным ветром и суровыми сибирскими морозами, охотно кивнул.

— Это верно, — поддакнул он, ловко крутя руль. — Паром у нас по расписанию. А вы сами откуда будете? С Москвы, поди?

Машина у него была — отдельная песня. Старый, убитый вусмерть «Ниссан». Правый руль, велюровый салон, протертый до дыр, и иконки на торпедо вперемешку с монетками.

У меня дежавю случилось такое, что аж в глазах потемнело. Египет. Пустыня. Бедуины на своих пикапах. Тот же самый японский автохлам (с поправкой на местный колорит —

там в основном пикапы), который доживает свой век в песках, ремонтируемый с помощью проволоки и такой-то матери. Те же иконки (только мусульманские четки), та же пыль в салоне, тот же запах бензина и старого железа.

Удивительно. Ты летишь пять часов на север, а попадаешь в то же самое место, только декорации сменили с желто-серого песка на зеленую тайгу. Видимо, у бедности и бездорожья везде одно лицо.

— Из Москвы, — буркнула мама.

— О, москвичи! — обрадовался водила. — А правда, говорят, у вас там плитку каждый год перекладывают? И деньги лопатой гребут? А вот скажите, почему у вас сейчас...

— Следи за дорогой, уважаемый, — вдруг сказала бабушка Вера спокойным голосом, но с такой интонацией, от которой хочется встать по струнке. — А то мы сейчас, а в кювет улетим. Нечего тут в чужой карман заглядывать.

Мужик поперхнулся, покосился налево. Встретился взглядом с бабушкой. И заткнулся. До самой переправы ехали молча, только подвеска гремела, пересчитывая ямы.

Возле реки стало чуть прохладнее. Самую малость. Енисей дышал сыростью и какой-то первобытной мощью. Вода была темная, тяжелая, несла на себе мусор, ветки, какие-то бревна.

Мы выгрузились. Таксист, получив свои деньги, рванул с места так, будто вез радиоактивные отходы и хотел побыстрее от них избавиться.

Паром полз с того берега медленно, лениво. Ржавая баржа, толкаемая закопченным катером.

— Ждать долго? — спросила я, садясь на чемодан.

— Час, не меньше, — определила бабушка, глядя на реку прищуренным глазом. — Пока разгрузятся, пока погрузятся...

Мы переправились. Правда с задержкой минут на тридцать. Ждали какую-то машину с мигалкой. Местные боссы, не иначе.

Ну, а потом начался настоящий ад. Автобус. Оказалось, что до нашей цели (точнее, до поселка Брянка, от которого еще плыть на лодке) ходит древний «ПАЗик». И ходит он два раза в сутки. Утром и вечером.

Мы опоздали на утренний на двадцать минут.

— Следующий в пять, — сообщила толстая тетка в кассе, которая выглядела так, будто она лично этот автобус толкает.

Три часа. Три часа на жаре, на раскаленном асфальте, в окружении слепней размером с воробья. Слепни были наглые, они не боялись ни мамино «Москитола», ни моих проклятий. Они жрали нас заживо.

Мама сидела на скамейке под навесом, обмахиваясь журналом, и выглядела так, словно сейчас заплачет. Лицо у неё пошло красными пятнами, прическа (та самая, которую она еще в Москве тщательно укладывала феном) превратилась в мокрое гнездо.

Бабушка Вера сидела рядом, с абсолютно невозмутимым

видом (ну да, она ж вроде как родом из этих мест). Ей, конечно, тоже было жарко, я видела капли пота на лбу, но она терпела. Сидела и смотрела на дорогу.

А я ходила кругами. Пинала камешки. Дежавю. Только мальчика с козами не хватает. Вокруг была тайга. Она подступала прямо к асфальту. Плотная, темная стена. Оттуда тянуло запахом хвои и прелой листвы.

Я достала телефон. Связи не было. «Только экстренные вызовы».

— Добро пожаловать в оффлайн, Маша, — сказала я сама себе. — Здесь нет вай-фая. Здесь есть только гнус и ожидание.

Когда из-за поворота наконец показался пыльный, рычащий «ПАЗик», я была готова расцеловать его ржавый бампер.

Нам предстояло еще три часа тряски. Но это уже был хоть какой-то движ, а не тупое топтание на месте. Движение навстречу... ведьме. Хорошо это или плохо... вскрытие покажет.

Автобус «ПАЗ» — это не средство передвижения. Это пыточная камера на колесах, сконструированная инженером-садистом, который ненавидел людей. Он держался на честном слове, синей изолянте и матерных заклинаниях водителя.

Народу набилось прилично. Суровые мужики с рюкзаками, теткы с ведрами (зачем им ведра в автобусе?), какие-то

молчаливые старики. Все сидели с каменными лицами, словно трястись три часа по грунтовке — это их ежедневная медитация. Стоя почти никто не ехал, и на том спасибо.

Мы заняли места в хвосте. Там трясло сильнее всего, зато можно было открыть форточку. Правда, толку от нее было ноль: в салон врывался не свежий воздух, а горячая пыль вперемешку с выхлопными газами.

Сначала всё шло относительно штатно. Мы просто ехали, подпрыгивая на каждой кочке так, что позвоночник сыпался в трусы.

А потом — глухой удар. Тук.

Водитель даже скорость не сбросил. Просто ругнулся сквозь зубы и поехал дальше.

Я посмотрела в заднее стекло. На серой ленте дороги осталось лежать что-то рыжее, пушистое. Лиса. Глупая, молодая лиса, которая решила перебежать дорогу не в том месте и не в то время.

— Господи, бедная... — прошептала мама, прижав ладонь ко рту.

Пассажиры даже голов не повернули. Для них это была не трагедия, а статистика. Минус одна единица лесной фауны. Бабушка Вера лишь почесала нос и буркнула:

— Сама виновата. Нечего под колеса лезть.

Я отвернулась. Мне вдруг стало тошно. Не от вида мертвой лисы, а от этого будничного равнодушия. Смерть здесь, в тайге, была такой же простой и обыденной, как и в пустыне.

Просто щелчок пальцами — и тебя нет. Был моб, стал лут.

Через час началась вторая часть марлезонского балета.

Автобус чихнул, дернулся и встал. Из-под капота повалил густой белый пар.

— Приехали, — констатировал водила, глуша мотор. — Кипим.

В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением антифриза. Жара мгновенно усилилась. Солнце палило нещадно, превращая железную коробку автобуса в духовку. Плюс тридцать, полная загрузка, запах пота, каких-то беляшей или чебуреков и перегара от соседа слева.

Водитель полез под капот, гремя ключами. Прошло десять минут. Двадцать. Час.

Мы сидели, обливаясь потом. Мама обмахивала себя тем самым журналом, который уже превратился в тряпку. Бабушка сидела неподвижно, как истукан, только губы шевелились — может, молилась, а может, материла отечественный автопром.

И тут, в этой, уже успевшей порядком надоесть, тишине, раздался звук. Он пришел издалека, из чащи леса, которая подступала к самой дороге.

У-у-у-у...

Протяжный, тоскливый вой. Не собачий. Собаки так не воют. В этом звуке была голодная тоска и холодная, расчетливая злоба. Меня передернуло. Резко, как от удара током.

Вместо зеленых елок я вдруг увидела желтые барханы.

Вместо запаха хвои в нос ударил запах гнили и сухой земли.

Гиена.

Она где-то здесь. Она пришла за мной. Она не умерла тогда, в январе. Такие твари не умирают, они просто меняют шкуру и переходят на новый уровень.

Руки затряслись. Зубы выбивали дробь. Я вцепилась в спинку переднего сиденья так, что чуть не поломала ноготь. Дыхание перехватило.

— Маша? — мамин голос донесся откуда-то издалека, как через стенку.

Она увидела. Она поняла. Мама, с тех самых событий, всегда чувствовала, когда меня накрывает «эхо войны». Она даже не стала ничего спрашивать. Просто придвинулась вплотную, обняла меня за плечи и прижала к себе. Сильно, надежно. Её рука начала гладить меня по голове — ритмично, успокаивающе.

— Тише, тише, — шептала она мне в макушку. — Это просто волк. Он далеко. Мы в автобусе. Мы в «танке». Я с тобой.

Её запах — духи, смешанные с потом и дорожной пылью — перебил фантомный запах пустыни. Я уткнулась носом ей в плечо, глотая слезы, которые внезапно подступили к горлу.

Отпустило меня минут через десять. Как раз к тому моменту, когда водитель, грязный по уши, захлопнул капот и торжествующе рыкнул:

— Заводись, паскуда!

И «паскуда» завелась. До райцентра мы добрались уже в темноте. Ни о каком дяде Мише речи быть не могло. Ночью на реке делать нечего, если ты не контрабандист и не самоубийца. Городок (хотя это громко сказано — скорее, разросшаяся деревня) спал. Фонари горели через один, собаки брехали из-за высоких заборов.

— Где ночевать будем? — спросила мама, озираясь по сторонам. Мы стояли на пыльной площади, выгрузившись из автобуса.

— В «Уюте», — сказала бабушка Вера, указывая на двухэтажное деревянное здание с покосившейся вывеской. Буквы «У» и «Т» отвалились, осталось только «Ю...».

Это было единственное место, отдаленно напоминающее гостиницу. Или ночлежку. Или декорацию к фильму ужасов.

Администраторша, сонная тетка в бигудях, выдала нам ключи от единственного свободного номера (прикол... у них тут еще и аншаг).

— Вода только холодная, — предупредила она, зевая. — Туалет в конце коридора. Не шуметь.

Номер оказался конурой. Две узкие кровати с панцирными сетками, тумбочка и окно, занавешенное марлей (от комаров, наверное). Пахло старой пылью и дихлофосом.

— Я сплю здесь, — бабушка Вера безапелляционно кинула свою сумку на кровать у окна. — А вы уж там как-нибудь валетом.

Спорить сил не было.

Это была ночь испытаний. Кровать скрипела при каждом вдохе. Матрас был бугристый, словно набитый картошкой. Мы с мамой втиснулись на узкое ложе вдвоем. Было жарко, тесно и неудобно.

А через десять минут бабушка Вера захрапела.

Это был не храп. Это был рев двигателя того самого Ан-24 на взлетном режиме. С переливами, с присвистом, с басовыми нотами.

Я лежала, глядя в темный потолок, по которому ползала одинокая муха, и думала, что отель «У погибшего альпиниста» по сравнению с этим — пятизвездочный «Хилтон».

— Спишь? — шепотом спросила мама.

— Нет, — так же тихо ответила я. — Слушаю концерт для перфоратора с оркестром.

Мама хихикнула. И от этого тихого смеха стало немного легче. Мы были здесь. Мы были живы. И завтра нас ждал новый квест.

Утро наступило внезапно и жестоко.

— Подъем! — гаркнула бабушка Вера.

За окном было серо. Туман висел такой, что соседнего дома не видно. Сырость пробирала до костей.

— Время не ждет, — бабушка уже стояла одетая, бодрая, как пионервожатая. — Дядя Миша — мужик ранний. Упустим — будем куковать здесь еще сутки.

Мы кое-как умылись ледяной водой из ржавого крана, натянули на себя вчерашнюю одежду (мама с тоской посмот-

рела на свои мятые платья) и вышли в туман.

Искать лодочника. Харона местного разлива, который должен перевезти нас через Стикс... то есть через Енисей. К ведьме. Или как ее там...

В моем представлении «пристань» — это что-то фундаментальное. Бетон, кнехты, может быть, даже полосатые будки и чайки, гадающие на головы туристам. Ну, или хотя бы деревянный настил на сваях.

Реальность оказалась проще и грубее.

— Пришли, — буркнула бабушка Вера, поправляя лямку сумки.

Мы стояли на глинистом берегу. Глина была жирная, рыжая, и следы в ней отпечатывались так четко, словно тут прошел динозавр, а не трактор «Беларусь».

Справа через реку (река называлась Большой Пит — бабушка сказала, но мне слышалось «Большой Пит-стоп», и я даже хмыкнула) был перекинут мост. Бетонный, скучный, явно новый. Он смотрелся здесь так же неуместно, как айфон в руках у неандертальца.

— Раньше тут деревянный был, — сказала бабушка, глядя на мост с неодобрением. — Скрипел, зараза, так, что зубы сводило. А этот... новодел. Души нет.

«Души нет, зато не рухнет», — подумала я, но промолчала.

Вместо причала на берегу валялись лодки. Именно валялись. Длинные, узкие корыта, похожие на консервные банки,

вскрытые тупым ножом. Некоторые были перевернуты вверх дном, некоторые наполовину вытащены на берег и привязаны цепями к кривым корягам.

Возле одной из таких лодок копошился мужик в брезентовой штормовке, перепачканной мазутом так, что она напоминала камуфляж «городские развалины».

— Миха! — крикнула бабушка. Голос у неё включился на полную мощность, распугивая ворон на ёлках.

Мужик (вернее дед) выпрямился. Вытер руки ветошью. Обернулся.

На вид ему было лет семьдесят с хвостиком. Лицо — печеное яблоко, нос сизый с красными прожилками, а глаза... глаза веселые. Слишком веселые. Ярко-голубые, как весеннее небо, и абсолютно шальные.

— Верка! — заорал он, расплываясь в улыбке, от которой на лице собралось еще больше морщин. — Живая! А я уж думал, ты там в своей Москве от скуки померла!

Он двинулся к нам, раскинув руки для объятий. Бабушка Вера замерла, как статуя Командора, всем своим видом показывая: «Не лезь, убьет».

— И тебе не хворать, Михаил, — сухо сказала она, уклоняясь от поцелуя и подставляя щеку так, чтобы он ее не коснулся губами. — А я смотрю, ты всё на реке? Не утомился?

— А чего мне сделается? — хохотнул дядя Миша. — Я как этот... водяной. Без воды сохну. А ты, гляжу, постарела, мать... А помнишь, как мы с тобой на танцах в клубе лес-

промхоза в семьдесят пятом...

— Не помню, — отрезала бабушка. — И тебе не советую. Мы по делу, Миша. Ты же в курсе? Лодка на ходу?

Дядя Миша осекся, но улыбку не убрал. Только в глазах что-то мелькнуло. Какое-то недоброе, оценивающее выражение. Он перевел взгляд на маму, потом на меня.

— А это кто ж такие? Дочка с внучкой? Ну, порода ваша, сразу видно. Кровь — не водица, а, Вер?

Он подмигнул мне.

— Здорово, малая. Как звать-то?

— Мария, — сказала я, глядя ему в переносицу. Старый трюк: смотришь человеку чуть выше глаз, и ему становится неуютно.

Но дяде Мише неуютно не стало.

— Мария... Хорошее имя. Сильное. Ну, грузитесь, барышни. Карета подана.

Мы побросали сумки на дно лодки, где плескалась мутная вода вперемешку с бензиновыми разводами. Лодка качнулась, звякнув цепью.

— А мы долго плыть будем? — спросила я, устраиваясь на жесткой деревянной скамье.

Дядя Миша, который в этот момент дергал шнур стартера, замер. Посмотрел на меня с наигранным сожалением.

— Плавает, деточка, дерьмо в проруби, — наставительно сказал он. — А моряки и речники — ходят. Запомни. Тайга ошибок в словах не любит.

Я закатила глаза. Ну конечно. Очередной хранитель древних традиций и морского сленга.

— Ладно, — сказала я. — Сколько нам идти?

— Часов пять, если мотор не подведет, — он рванул шнур. Двигатель — старый, коптящий японский «Ямаха» — взревел, выплюнув облако сизого дыма. — Река Лендаха — дама капризная. Мели, топляки. Держитесь крепче, чтоб язык не прикусить.

Мы отчалили. Ветер ударил в лицо. Лодка, задрав нос, понеслась против течения, подпрыгивая на волнах.

Пейзаж изменился мгновенно. Пока мы были на берегу, тайга казалась просто густым лесом. Но с воды... С воды это выглядело как бесконечная крепостная стена. Ели и кедры стояли стеной, нависая над водой. Корни, вымытые течением, торчали из обрывистых берегов, как скрюченные пальцы мертвецов, пытающихся выбраться из-под земли.

Вода в реке была темная, почти черная, цвета крепко заваренного чая. Бабушка говорила, это от торфа. Но выглядело так, словно в ней растворили тьму.

Я смотрела на воду и думала: если упадешь — никто не найдет. Течение подхватит, затянет под корягу, и всё. Game Over без права на респаун.

Дядя Миша сидел на корме, держась за румпель мотора. Он что-то кричал сквозь шум двигателя, смеялся, показывая рукой то на скалу, то на поворот реки. Пару раз он наклонился ко мне и хлопал по плечу:

— Ну как, малая? Страшно? Это тебе не в смартфоне тыкать! Тут жизнь!

Мне не нравилось, как он меня трогает.

Нет, ничего такого. Просто дружеские хлопки. Но моя «чуйка», прокачанная в африканских песках, начала противно пищать где-то в затылке. У него были странные глаза. Когда он улыбался, рот растягивался, а глаза оставались холодными. В них не было веселья. В них был расчет. Как у скупщика краденого или у хищника, который прикидывает, хватит ли у жертвы сил сопротивляться.

«Глаза как дула автоматов», — подумала я. И тут же одернула себя. Паранойя, Маша. У тебя просто ПТСР. Дядька нормальный, просто деревенский балагур.

Но когда бабушка Вера, перекрикивая мотор, попыталась завести разговор о цели нашего визита, я снова напряглась.

— Мишка! — кричала она. — А как она там? Аксинья! Давно видел?

Дядя Миша сделал вид, что не слышит. Покрутил головой, прибавил газу.

— Что?! — проорал он. — Мотор орет, не слышу!

— Аксинья как?! — рявкнула бабушка ему прямо в ухо.

Он дернул плечом. Улыбка на секунду сползла с его лица, как плохо приклеенная маска.

— Живая была неделю назад! — крикнул он. — А что там сейчас — кто знает? Она ж... сама знаешь! Сами увидите! Скоро уже! Вон за тем поворотом Лендаха сужается, там

пороги пойдут!

И снова засмеялся. Громко, раскатисто.

Мне стало жутко. Мы шли по темной реке, зажатой в тиски дикого леса. Нас вез человек, который мне не нравился. Мы ехали к женщине, которую все считали мертвой еще тридцать лет назад, и которая, судя по всему, была местным филиалом Бабы Яги.

Я посмотрела на маму. Она сидела, вцепившись в борта лодки побелевшими пальцами, и зажмурил глаза. Ей было страшно.

А мне было... любопытно. И холодно (капризная сибирская погода. Сегодня было уже градусов двадцать). Тайга дышала на нас сыростью. Это был не тот мир, к которому я привыкла. Здесь не работали законы физики из учебника. Здесь работали другие законы. Древние.

— Лендаха... — прошептала я, пробуя слово на вкус.

Звучало как заклинание. Или как имя древнего чудовища, которое спит на дне и ждет, когда мы проплывем над ним.

Дядя Миша на корме вдруг перестал улыбаться. Он смотрел вперед, на воду, и лицо его стало жестким, сосредоточенным.

— Держитесь! — рявкнул он. — Сейчас тряхнет!

Лодка врезалась в бурун, брызги полетели в лицо ледяной шрапнелью.

Мы входили в зону, где карта заканчивалась. Дальше — только «туман войны».

Глава 3

К берегу мы подошли, когда солнце уже начало цеплять верхушки елей, окрашивая реку в цвет венозной крови. Красиво, если смотреть на картинке в интернете. Жутко, если ты сидишь в алюминиевом корыте посреди тайги, а у тебя задница превратилась в камень от многочасовой тряски.

Пока плыли... блин, то есть шли, бабушка устроила нам «полевую кухню». Достала из своего необъятного баула пакет с пирожками (теми самыми, вчерашними, которые уже можно было использовать как метательное оружие) и бутерброды с сыром, которые от вчерашней жары приобрели вид пластилина.

— Ешьте, — скомандовала она, раздавая пайки. — Неизвестно, когда там ужин будет. И будет ли вообще.

Мы жевали всухомятку. Вода во фляге была теплая и пахла пластиком.

Дядя Миша, учуяв запах еды, оживился. Одной рукой держа румпель, другой полез куда-то за пазуху своей замасленной штормовки. Извлек плоскую металлическую фляжку. Отвинтил крышку, и до меня донесся резкий, сивушный запах.

— Для сугреву, — подмигнул он мне мутным глазом. — И для храбрости. А то места тут...

— Убери, — тихо сказала бабушка Вера.

Она даже голоса не повысила. Просто посмотрела на него. Так смотрят на нашкодившего кота, который собрался метить тапки. Или на человека, который пытается закурить на пороховом складе.

Дядя Миша поперхнулся воздухом. Рука с фляжкой замерла на полпути ко рту.

— Да я ж глоточек, Вер...

— Убери, сказала. Довезешь — хоть упейся. А сейчас мне пьяный рулевой не нужен. Утопишь — я тебя с того света достану и еще раз утоплю.

Дядя Миша вздохнул, с сожалением закрутил крышку и спрятал флягу. Но веселье с него как ветром сдуло. Он стал мрачным, дерганным. Всё чаще оглядывался по сторонам, словно ожидая подвоха от каждого куста.

— Приехали, — буркнул он минут через сорок, сбрасывая газ.

Деревня — если это можно было назвать деревней — выплыла из сумерек неожиданно.

Я ожидала увидеть хоть какие-то признаки цивилизации. Ну, там, столбы с проводами, дым из труб, заборы из профнастила (они сейчас везде, даже в глуши).

Но здесь было... пусто.

Пять или шесть изб, черных, приземистых, словно грибы-переростки, стояли на высоком берегу. Они не смотрели на реку. Они как будто отвернулись от неё, сбившись в кучу на опушке леса.

Дядя Миша ткнулся носом лодки в шаткие деревянные мостки. Мотор заглох, и на уши мгновенно надавила тишина. Глухая, пустая тишина.

— Выгружайтесь, — сказал он сдавленным голосом, не глядя на нас.

Мы побросали сумки на доски причала. Они были скользкие, покрытые зеленой слизью. Я выбралась первой, подала руку маме. Бабушка Вера шагнула на берег последней, тяжело опираясь на мою руку.

— Ну, спасибо, Миш, — начала она, оборачиваясь. — Ты, может, зайдешь? Чаю попьем, отдохнешь...

Дядя Миша уже отталкивался веслом от мостков. Резко, суетливо.

— Некогда мне, — пробормотал он, глядя куда-то в сторону леса, но не на дома. — Дела у меня. Рыба... сети... Бывайте.

Он дернул шнур стартера. Мотор взревел, нарушая это стеклянное безмолвие. Лодка развернулась практически на месте, подняв волну, и рванула обратно, вниз по течению.

Мы стояли и смотрели ему вслед.

— Он что... уплыл? — спросила мама растерянно. — На ночь глядя?

— Идиот, — выплюнула бабушка Вера. Но в её голосе не было злости. Была тревога.

Я посмотрела на небо. Солнце уже почти село. Через двадцать минут будет темно, хоть глаз выколи. Плыть по реке с

порогами и топляками в темноте — это самоубийство. Это нарушение всех правил выживания.

Значит, страх, который гнал его отсюда, был сильнее страха разбиться.

Он просто сбежал. Причем сбежал в панике, даже не попросившись.

— Что-то здесь не так, — сказала я тихо, поправляя лямку рюкзака. Рука сама собой легла на пояс, где под футболкой прятался нож.

Мы повернулись к деревне. И тут меня осенило. Я поняла, что именно «не так». Окна. Ни в одном доме не было света. Ни электрического, ни живого огонька керосинки или свечи. Черные провалы, смотрящие в пустоту.

И звуки. Вернее, их отсутствие.

— Мам, — шепнула я. — А где собаки?

— Что? — не поняла мама.

— Собаки. В деревне должны быть собаки. Дворняги, цепные псы, шавки... Они должны брехать. Мы приехали, мотор шумел. В любой нормальной деревне сейчас стоял бы такой лай, что уши бы закладывало.

А здесь тишина. Только плеск воды о сваи причала и шум ветра в верхушках елей.

Эта тишина была неправильной. Мертвой. Так бывает на сервере, когда все игроки вышли, а ты остался один в локации, и скрипты перестали работать.

— Мам, а это вообще... нормально? — голос мамы дрог-

нул, сорвался на шепот. Она прижалась к бабушке. — Здесь вообще живые есть? Мам?

Бабушка Вера стояла, опираясь на палку (которую подобрала тут же, на берегу), и всматривалась в черные силуэты домов. Я видела, как дрожит её подбородок. Она не узнавала это место. Или узнавала, и это пугало её до чертиков.

— Не знаю, Аня, — сказала она наконец. Тяжело вздохнула, словно набирая воздух перед погружением на глубину. — Раньше были. И собаки были. И люди.

Она перехватила сумку поудобнее.

— Пошли. Дом Аксиньи — крайний, у леса. Если она жива... она там.

Она шагнула вперед, на тропинку, заросшую высокой, по пояс, травой. Тропинка едва угадывалась. По ней явно давно никто не ходил.

Мы двинулись следом. Я шла замыкающей, постоянно оглядываясь. Мне казалось, что из пустых окон на нас кто-то смотрит. Кто-то, кто не нуждается в свете.

Ощущение «пустыни» вернулось. Только там был песок и жара, а здесь — мокрая трава, хлещущая по ногам, и холод, ползущий от реки. Но запах опасности был тот же. Запах того, что ты зашел на территорию, где ты не хищник. Ты — еда.

Мы шли по тропинке, которая больше напоминала звериную тропу. Трава здесь была не просто высокой — она была агрессивной. Стебли цеплялись за джинсы, хлестали по ногам, словно пытаясь остановить или, наоборот, подтолкнуть

быстрее в темноту.

Тишина давила. Она просто ощущалась физически. Знаете это чувство в хоррорах, когда музыка стихает? Скрипки перестают пилить нервы, басы замолкают, и ты слышишь только дыхание героя. И ты точно знаешь: сейчас что-то выпрыгнет. Скример. Это закон жанра.

Я шарахалась от каждого шороха. Ветку качнул ветер — я присела. Где-то хрустнул сучок — я чуть не выхватила нож. Психика, расшатанная пустыней, рисовала в тених такое, что Стивен Кинг нервно курит в сторонке.

Бабушка Вера шла первой. Её спина, обычно прямая, как рельс, сейчас ссутулилась. Она держала палку перед собой, как слепой, нащупывающий дорогу над пропастью.

Мы медленно подошли к крыльцу. Дом казался огромным. В темноте он напоминал черную гору, нависшую над нами. Крыльцо покосилось, ступени выглядели гнилыми, но, странное дело — перила были крепкими, отполированными чьими-то руками.

Дверь была приоткрыта. Черная щель, из которой тянуло холодом и... чем-то еще. Запахом сухих трав? Ладаном? Или просто старым деревом?

Бабушка замерла перед первой ступенькой. Она стояла и смотрела на эту черную щель, как кролик на пасть удава. Я видела, как дрожит её рука, сжимающая телефон с включенным фонариком. Луч света плясал по облупившейся краске косяка. Она боялась. Боялась до одури.

Мама, которая шла следом, не выдержала. Нервы у неё сдали.

— Мам, ну иди уже, — шепнула она и легонько подтолкнула бабушку в спину.

Эффект был как от удара электрошокером. Бабушка дернулась всем телом, охнула и чуть не рухнула на колени. Она развернулась к маме с перекошенным лицом. Я ждала, что она сейчас рявкнет: «Ты что творишь, дура?!». Это было бы в её стиле.

Но она промолчала. Просто судорожно вздохнула, поправила платье и снова повернулась к двери.

Мне стало по-настоящему жутко. Если уж наш «генерал в юбке» потерял дар речи от страха, значит, дело дрянь. Мы заходим в данж высокого уровня без подготовки, без хилок и с поломанным оружием.

Наконец бабушка всё же решилась. Она поставила ногу на первую ступень. Доска жалобно скрипнула.

Шаг. Еще шагок. И еще один. Мы с мамой двинулись следом, стараясь наступать на те же места.

Сени (или как оно там правильно называется?) тонули в темноте, которая здесь казалась густой, почти осязаемой. Луч бабушкиного фонарика выхватывал из мрака какие-то кадки, пучки травы под потолком, старый тулуп, висящий на гвозде и похожий на повешенного человека.

Впереди, за еще одной дверью (на этот раз распахнутой настежь), была горница. И там вдруг что-то скрипнуло. Вро-

де не половица. Стул, наверное. Или лавка. В общем звук, который издает мебель, когда на неё кто-то садится или встает.

Мы замерли, сбившись в кучу. Сердце у меня стучало где-то в районе пяток или даже еще ниже.

В прямоугольнике дверного проема шевельнулась тень. Темная, бесформенная фигура отделилась от стены и шагнула нам навстречу.

— А-а-а-а! — заорала бабушка Вера.

Это был не крик, а визг. Животный, безумный визг ужаса. Она вскинула руку с телефоном, направляя луч прямо в лицо фигуре, как оружие. Я зажмурилась. Рефлекс. Если ты не видишь монстра, монстр не видит тебя. Глупо, по-детски, но в тот момент я была готова спрятаться хоть под плинтус.

— Ну чего орешь-то, Верка? — раздался голос. — Детей напугаешь.

Голос был... нормальным. Низким, спокойным, чуть насмешливым. Не скрипучим, не заgrabным. Вполне себе человеческим.

Я осторожненько открыла один глаз. Потом второй. Луч фонарика дрожал, но освещал фигуру вполне отчетливо. Я ожидала увидеть кого угодно. Бабу Ягу с костяной ногой. Зомби. Призрака в саване. Демона с горящими глазами.

В дверном проеме стояла женщина. Просто женщина. На вид ей было... ну, пятьдесят. Может, шестьдесят, если приглядеться к морщинкам у глаз. Но никак не сто. И не де-

вяносто.

Она была одета в темное длинное платье, поверх которого была накинута вязаная кофта — такая же, как висела у моей мамы в шкафу, в Москве, только серая. Волосы, совершенно седые, без единого темного волоска, были стянуты в простой хвост на затылке аптечной резинкой. Лицо у неё было... обычное. Широкие скулы, прямой нос. Только глаза в свете фонарика блеснули странно, как у кошки.

Она щурилась от яркого света, прикрывая глаза ладонью, и на губах у неё играла легкая улыбка. Не злая. Скорее, снисходительная. Так улыбаются взрослые, когда дети пугаются пылесоса.

— Чего слепишь-то? — спросила она спокойно. — Проходите.

Она протянула руку к стене. Щелк. Я инстинктивно зажмурилась снова, но уже не от страха, а от боли в глазах.

Свет. Яркий, белый, электрический свет. Под потолком загорелась обычная «лампочка Ильича» без абажура. Сени мгновенно перестали быть страшной пещерой. Они стали просто... сенями. Грязными, заваленными всяким хламом, но совершенно обычными деревенскими сенями (ну как я их себе представляла).

— А... г-где... — пискнула мама, моргая и пытаясь сфокусировать взгляд. — Где... Аксинья?

Бабушка Вера молчала. Она стояла, опустив руку с телефоном, и смотрела на женщину так, словно увидела приви-

дение. Её рот был приоткрыт, лицо стало цвета побелки.

Женщина в дверях рассмеялась. Смех был грудной, глу-
бокий. Живой.

— Ну здравствуйте, внучки, — сказала она, окидывая нас ве-
сельным взглядом. — Доехали всё-таки. А я уж думала, Миш-
ка вас в реке утопил, алкаш старый.

Она перевела взгляд на бабушку Веру, которая всё еще не
могла выдать ни слова.

— Ну? — усмехнулась женщина. — И ты заходи, дочка.
Чего встала, как соляной столб? Чай стынет.

Я стояла и хлопала глазами. Электричество в мертвой де-
ревне. Женщина, которая выглядит моложе моей бабушки,
но называет её «дочкой». И этот смех. Кажется, жанр игры
только что сменился. Хоррор закончился. Начался какой-то
сюрреалистический квест.

— Вы... вы Акси́нья? — спросила я. Голос предательски
дрогнул.

Женщина посмотрела на меня. Внимательно. И вот тут
мне стало по-настоящему не по себе. Взгляд у неё был мо-
лодой. Но в глубине зрачков плескалась такая тьма, такая
древняя усталость, что меня пробрало морозом.

— Я, — просто сказала она. — Кто ж еще. Заходите.
Обувь можете не снимать, полы не мыты.

В доме пахло травами. Не теми аптечными сборами в кар-
тонных пачках, которые пахнут пылью и сеном. Здесь пах-
ло живым лугом, горькой полынью, мятой и чем-то сладким,

тревожным.

Мы стояли посреди горницы. Я, мама и бабушка Вера. Три поколения семьи Кузнецовых перед лицом... ну, назовем это «глюком матрицы».

Аксинья (язык не поворачивался назвать её «прабабушкой») отошла к огромной русской печи, взяла ухват. Движения у неё были легкие, пружинистые. Никакого старческого шарканья, никакой одышки.

— Что ж ты, Вера, глаз не кажешь? — спросила она, не оборачиваясь. Тон был легкий, будто мы встретились в очереди за хлебом. — Чай, не за океаном живешь. Или гордость заела?

И тут бабушку прорвало. Словно внутри у нашего «железного генерала» сорвало предохранительный клапан.

— Не кажешь?! — взвизгнула бабушка Вера. Она шагнула вперед, и палка в её руке стукнула об пол, как посох Гэндальфа. — Ты меня спрашиваешь?! А ты забыла, как я уезжала? Забыла, как ты меня выставила? В чем была! В одном платице, в октябре!

Аксинья поставила ухват в угол. Повернулась. Лицо спокойное, только в уголках губ прячется усмешка.

— Было дело, — кивнула она. — Характер у тебя, Верка, всегда был дрянной. В отца пошла.

— В отца?! — бабушка задохнулась от возмущения. Лицо у неё пошло пятнами. — Да я в Москву эту... в никуда ехала! Я там никого не знала! Я по вокзалам мыкалась! Ты хоть

представляешь, как мне там пришлось, пока я...

Она осеклась. Резко. Будто наткнулась на невидимую стену. Видимо, то, что было «пока», не предназначалось для ушей внучки и правнучки.

— И потом... — голос бабушки упал до шепота, но в этом шепоте было столько боли, что мне стало неудобно. — Я же думала, ты умерла. Еще тогда. Когда...

Снова пауза. Снова взгляд на нас с мамой. Снова стена молчания.

«Интересное кино, — подумала я, переводя взгляд с одной на другую. — Семейные тайны, сезон первый, эпизод седьмой. "Я знаю, что вы сделали прошлым летом тридцать лет назад"».

Бабушка Вера сделала еще шаг к матери. Теперь они стояли рядом, под ярким светом голой лампочки. И это было зрелище не для слабонервных. Моя бабушка: семьдесят с лишним лет, грузная, сторбленная, лицо в глубоких морщинах, руки узловатые, как старые корни. Старуха.

И её мать: прямая, стройная, лицо гладкое, волосы густые, хоть и седые. На вид — женщина в расцвете сил, которая просто забыла покраситься. Рядом с Аксиньей бабушка Вера выглядела как её старшая, очень больная сестра. Или даже мать.

— А это как понимать?! — бабушка ткнула дрожащим пальцем в сторону Аксиньи. — Ты почему так... так выглядишь? Этого же быть не может! Тебе девяносто четыре года!

Девяносто четыре! Ты должна лежать и... и...

— И под себя ходить? — подсказала Аксинья. — Не дождешься.

Она провела рукой по волосам, поправляя выбившуюся прядь. Жест был кокетливый, молодой.

— Тайга, Верочка, — сказала она, и в голосе зазвенели смешинки. — Воздух свежий. Экология. Продукты все натуральные, без ГМО ваших. Ягоды, грибочки, водичка из родника. Не то что вы в своих городах — дышите гарью, жрете пластмассу, вот и скукоживаетесь раньше времени.

— Не ври мне!!! — заорала бабушка. — Какая экология?! Ты выглядишь моложе меня! Ты ведьма! Ты кровь пьешь, что ли?!

Мама испуганно пискнула и прижалась ко мне. Я чувствовала, как её трясет.

— Мы уезжаем! — бабушка развернулась к нам. — Аня, Маша, на выход! Нечего нам тут делать! Она издевается! Она наврала про смерть, чтобы заманить нас сюда!

Она схватила маму за руку, пытаясь утащить к двери.

— Стой, — сказала Аксинья.

Она не крикнула. Сказала тихо. Но от этого слова воздух в комнате словно стал плотным, как кисель. Бабушка замерла, не в силах сделать шаг.

Лицо Аксиньи изменилось. Улыбка исчезла. Глаза — те самые, кошачьи, желтоватые — потемнели. Теперь передо мной стояла не моложавая тетка, а кто-то очень древний и

очень опасный.

— Внешность, Вера, это шелуха, — сказала она жестко.
— Фантик. Ты знаешь, кто я. И знаешь, что я могу. А чего не могу.

Она шагнула к столу, провела пальцем по столешнице.

— Смерть не обманешь, дочка. Таймер тикает. Я свое отжила. Дня два мне осталось, может, три. Свеча догорает. И то, что фитиль еще яркий — это чтоб напоследок дела закончить.

Она подняла глаза на нас.

— Хорошо, что успели. Мишка-то, дурак, боялся, не доведет.

— Ты... ты правда умираешь? — спросила мама дрожащим голосом.

— Правда, Анята, — Аксинья кивнула ей, и взгляд её на секунду потеплел. — И мне надо успеть передать... наследство.

Она посмотрела на маму. Долго, оценивающе. Словно сканировала её рентгеном.

— Поговорить нам надо, Аня. С глазу на глаз.

— Почему с ней? — вклинилась бабушка Вера. Ревность в её голосе смешалась со страхом. — Я твоя дочь!

— Ты — отрезанный ломоть, Вера, — отрезала Аксинья. Без злости, просто как факт. — Ты свой выбор сделала пятьдесят лет назад. А Аню я не знаю. Хочу поглядеть, чем дышит.

Она махнула рукой в сторону двери. Жест был властный, не терпящий возражений.

— А вы двое — погуляйте. Воздухом подышите. Экологически чистым.

— Но... — начала было бабушка.

— Вон! — рявкнула Аксинья.

Лампочка под потолком мигнула и на секунду вспыхнула ярче, с противным треском. По стенам метнулись тени — длинные, хищные.

Бабушка Вера ойкнула и попятилась. Я схватила её под локоть, потому что поняла: спорить с этим NPC себе дороже. У него уровень прописан «Бог», а у нас — «Нуб с палкой».

— Пошли, ба, — сказала я. — Пошли.

Мы вывалились в темные сени, а потом на крыльцо. Дверь за нами захлопнулась сама собой. Щелкнул засов. Мы остались на улице. В темноте, в тишине мертвой деревни. Я посмотрела на окно. Шторы были не задернуты. Я видела, как мама стоит посреди комнаты, обхватив себя руками за плечи. Она была бледная, как мел. Ни жива ни мертва.

А прабабка Аксинья подошла к ней вплотную и что-то говорила.

— Господи Иисусе... — прошептала бабушка Вера, крестясь дрожащей рукой. — Господи, спаси и сохрани... Куда ж мы приехали, Машка? В какое пекло мы сами залезли?

— В родовое гнездо, ба, — мрачно ответила я, садясь на ступеньку и доставая из кармана нож. Просто чтобы поддер-

жать что-то холодное и железное. — В родовое гнездо.

В доме напротив Аксинья положила руку маме на лоб. Мама дернулась, но не отстранилась. Шоу начиналось.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.